

Нравственный выбор в творчестве

ЗРИТЕЛИ любят перемены в театре. Они вправе ждать обновления — театральной эстетики, режиссерского почерка, искать нового подхода к конвейерной модели, современной тематике, к новому прочтению классики.

Афиша Волковского театра в прошедшем сезоне изменилась резко, может быть, круто. Лирико-философские интонации, неторопливая пластичность «Материнского поля», сдержанная патетика «Соловьиной ночи» уступили место новым, гротесковому-ироническим, резким, как «выстрелы навскадку», мотивам «Автобуса», «Змеелова», «Арибита», «Облака». В спектаклях нынешнего сезона отмечены знаками удачи. Интересны для зрителей «переселенцы» для театра, не боявшиеся резко, может быть, в труппу нового главного режиссера, народнопо артиста РОФСР Г. В. Дроздова много переменить. Отметились в этом индустриальном театре и новыми советскими пьесам. «Вечер» А. Дударева, «Арибит» П. Погоребского, «Змеелова» Л. Карелина — в числе удачных. В нынешнем театром впервые или в числе первых.

Разумеется, театр не способен за один лишь сезон сформировать вместе с новым творческим руководством целостный, многожанровый репертуар, который отражал бы лицо театра, его самобытность, его возможности. Однако найти то критерий, идею, эстетический, нравственный, которым будет руководствоваться театр в дальнейшей работе, необходимо. Нужна взаимная выработка принципов, уважение традиций Волковского дома, поиск магистральной, главной темы.

Начало сезона ознаменовано обращением к «Третьей, патетической». И. Година, Валентина Г. В. Дроздова, возвращением народнопо артиста СССР С. К. Тихонова к работе над образом Владимира Ильича Ленина. Надо сказать, что в последние времена своего появления значительно вырос, окреп, шире стали его горизонты. Прелесть творчества — в своем обаятельном прологом нынешнего сезона. В финале спектакля — над зрительным залом, как бесконечная лента времени, разглагольствовало огромное полотнище — транслирует, взвешивая, выискивая художником Ю. Сураженкием, Ленин и Павел Бурж, Фрунзе, революционер, демократ, народолюбец, большевик, Горький и Маяковский, десятилетия унаследованных и неанаконичных, проходящих перед зрителем, вопреки единству и бессмертию ленинского дела. Спектакль напомнил о том, что театру необходимо искать новые, все доступные средства, формы, возможности искусства социалистического реализма для того, чтобы конкретизировать драму вокруг подлинного образа героя, активно отстаивающего идеи коммунизма.

Жизнь героев спектакля «Вечер» (режиссер В. А. Поронцов) неотделима от земли, на которой они родились и выросли. Она подчинена ритму природы и покоряет торжествующей, утверждающей человечество. В чем тайна обаяния Ганны, Ветля и Минты, сыграны в исполнении В. Кудина, В. Кудина и Н. Кузьминич? Ощущение прожитого-пережитого, сегодняшних тревог и радостей, «живой жизни», — эта пьеса, на наш взгляд, настолько явлена, что представляется чудом. Забываясь об «искусстве медленного чтения» характере,

о кропотливом, циркулярном, дотошном прикидывании в суть образов, конфликта... О чем они говорят, эти старинки, дожидающие своей дилетантской правды? Спорят о том, как и кто прожил жизнь, думают о детях, которые, быть может, соберутся навестить когда-нибудь, вспомнят о погибших. За их рассказами встают события, разворачиваются баталии, в которых комическое неотделимо от трагического, но повторим — торжествует гармония правды человечности, людская доброта, вера в справедливость. В спектакле есть ощущение «будничности» правды времени: «Ей, земле, ласку, любовь свою отдай падо...» — так герои «Вечера» понимают свое назначение.

Завершен сезон в академическом театре имени Ф. Г. Волкова. Что принес он зрителям, театру, как оправдал надежды?

ние, и свой нравственный выбор они утверждают всей жизнью. Театр увлекает сегодня и колоритные ситуации, неординарные проблемы, причина тому в обострившемся вниманием к неопределенности каждого человека. В свое время критика отметила похвалой Л. Карелина «Змеелова» как заметное явление современной прозы. Написанная в легкой динамичной манере, детективная, повесть привлекает внимание читателя анализом острых социальных явлений, незаурядным характером главного героя — Павла Шорохова, в котором прежде всего ставился важным процесс его внутреннего возрождения.

(на спектакль «Змеелова» Дроздова) трудно поверить, и артисты не скучают, и сам спектакль остается целым рядом удачных актерских работ. В инсценировке, однако, утрачено немало ценных моментов, исследовальность героя, острота его самопознания, ибо не заявлена драматическая. В спектакле по-новому оспетывался творческий индивидуальность Б. И. Яценко, исполнителя главной роли Павла Шорохова. Однако нельзя не согласиться и с критикой в адрес творчества Шорохова — личность скорее отмеченная печатью благополучия, преуспевания, нет в нем напряженности и душевного исхода в поисках ответа на вопросы, которые ставит перед ним жизнь.

Человек в узком туннеле обстоятельств, в жесткой ситуации нравственного выбора — так прочитывается художественная индивидуальность героя. Герои огулняют современные скорости, сверкают стены туннеля и раздаются рев пронесшихся мотоциклов. Он изумлен, не боится змей, Павел Шорохов, но научится ли жить заново? Выдержит ли? Что примет и что отринет? Шорохов — Павел задумывается, спускается с высокомерным отношением к окружающим, он успевает подметить его слабость и недостатки, скрывать стыд, жалеет себя, восторженным взглядом жидкие обремененного семьи Костикина — главного бухгалтера треста, жалующегося на жидкую женщину, естество. Такая жизнь не ю Шорохову. «Одны живут, другие прозябают», — вот его изначально мораль. «Прозья-

бать» то есть жить честно, Шорохов не то, что не может, скорее — не хочет. «В казенных нарукавниках? На сто рублей в доверии? На полторы сотни к конвейеру?» — вот его долговременные рассуждения. «Ну можно же можно прожить честным человеком» — самоуничижается под испепеляющим взглядом Шорохова Костики — М. Левченко.

В нашем спектакле Шорохов — ироничен, он ненавидит, презирает «сытых», нечистых на руку, — вступает в полемичный диалог с режиссером. У него трезвый ум, твердая воля, настойчивость и самодисциплина. За прозой Шорохова, — ответим мы, — обнаруживается постоянная склонность к нравственному комп-

ромаску. Нет-нет, да и вытирает в Шорохова его привязанные замашки «папка делная», протянет несколько зеленых бумажек, и забывает долгу. — Человек, совершивший ошибку, ищет, где и почему она оступился — продолжает саму жизнь. Он казнит себя. Наконец, он срывается, вступает в схватку с бандитами, если хотите, он сражается со Злом, он готов к этому.

— Ситуация Шорохова — своеобразный парадокс о герое. Пытавшийся с торговой братией, с теми, кого он считал когда-то верными друзьями, понять, что в Москве для него работы нет (вспомните «казенные нарукавники»), Шорохов приходит к решительному решению: «Иду, я тутанько ловить змею». Там, вдали от суетной жизни городов вместе с любимой женщиной и сыном. Перед этим он успевает отдать тетрадь с разоблаченными жидко-террады в надежные руки. Но, сватка, необязательная случайность в этой ситуации — эпизод этот мог быть логично завершить драму прозрения героя. Но происходит ли со зрительными то нравственное очищение души, и если нет, они должны унести из театра? Или зритель помнит «Змеелова» иным рядом эффектных мизансцен (смерть на мотоцикле, изумленный ступор уполномоченного, обнаженная дедушка, живописно раскинувшаяся на белоснежном ложе?).

Парадоксы о герое, выходящие за пределы, не должны быть немалым. С персонажами слышь и рядом происходит, как и подобает в театре, «конфузные» ситуации из ряда забавных, они переходят в странноватые — непредсказуемые. Герой («Арибит», «Змеелова», «Автобус») оказывается в атмосфере «свободного аякдота». Человек сдвинутой выжвочной системы привычных ценностей, он испытывается случаем, ситуацией, парадоксом. Маска загадочности лежит на лицах Шорохова, Кудина («Арибит»), Разумного («Автобус»).

Что происходит в «Арибита» (постановка В. А. Поронцова) в Шорохова в «казенных нарукавниках» — некто Бурцев, государственный арибит, считающий себя кристально честным, нравствен-

но совершенным, не оступившимся ни разу в жизни, не падает в плен... к самому себе, собственной доброты и гуманизму. И незначительные оступки оказываются губительными. Он мог гордиться собой, своей неуступчивой позицией. Неприхотливый поворот судьбы — и перед нами судорог — так ли уж безупречен Бурцев (В. Соколовский). Прядал когда-то собственное чувство, любимую женщину, в конце концов, не падая на компромиссы в служебных отношениях. Но мысли автора пьесы П. Погоребского, герой тоже испытывается обстоятельствами, прежде чем прозреть. Везд ли герой В. Соколовского способен вызвать сочувствие зрительного зала. Но зато другой персонаж — Эдик Кудин (М. Левченко), коммерческий директор крупного комбината — решительный, не знающий сомнений, непрерывно доказывает всем собственную власть, могущество, комбинатор, которого арибит Бурцев должен бы отпирать в прокуратуру, оказываясь в тюрьме. Эдик Кудин Бурцев, не выдерживая такой «многосложности» героя, сдается, отпускает соперника на свободу. Она хитро надеется на нравственное выживание. Эта затейливая история, напоминающая острую, с детективной приправой, скомбинированная с детективной, счастливому семейству, позирующим перед объективом, могла бы право на существование, быть она отмечена степенью изящного проникновения в характеры, которого требует верность автору. Одни роли удались, другие следуют, как зачатки, — часто просто скучают.

Да и не огорова ли их нынче на волковской сцене этих холодных, энергичных, деловых людей, подоб Эдику Кудину? Обилие характеров, примечательных для современности, варьирование одних и тех же проблем в разных обстоятельствах, и... везд ли герой В. Соколовского время. Вот основные итоги прошедшего сезона. Рядом с удачами, с нужными экспериментами (такими, как «Змеелова», «Арибит», «Автобус») присутствует и такой спектакль, как «Облака», спрадакий отсутствием вкуса, аляповатостью, не выжущийся с маркой Волковского театра.

Театру нужно лицо, собственный облик, наличие собственной художественной программы. Нынешний сезон не дал ни одного нового классического спектакля.

Особенно остро в театральном репертуаре ощущается проблема полностоящего прозрения и не считаем мерой «положительности» арифметический итог положительных и отрицательных героев. Но Ф. Г. Волков заслуживает только тогда, когда создается крупный, запоминающийся характеры.

Впереди — новый театральный сезон. В 1985 году академическому театру имени Ф. Г. Волкова предстоит исполнить 235 лет. Эта дата соединяется и с праздничным 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне с юбилеем родного города.

Надемся, что волковцы придут в новом театральном сезоне к большим творческим успехам. Они настолько нужны театру, что у нас.

М. ВАНЯШОВА,
наладчик филологических наук